

Образование «для чайников»

О статьях И.В. Зубановой и О.В. Петровой

В.К. Ланчиков

Напечатанные в прошлом номере «Мостов» статьи И.В. Зубановой и О.В. Петровой¹ на первый взгляд объединены лишь одним тематическим контуром и полемической направленностью. Дальше начинаются расхождения. Первая посвящена частному случаю: конкретной методике преподавания устного — исключительно устного — перевода. В другой разбирается преподавание перевода вообще и — шире — положение в нынешней системе образования. Поводом для первой стала методика, которую многие сочли последним криком моды. Поводом для другой — размышления филолога, опубликованные 120 лет назад.

Несмотря на это, вдумчивые читатели наверняка поняли, что частный случай из первой статьи — конкретное проявление общей тенденции, которая описана во второй.

Если кто-то этой связи не увидел, возьму на себя смелость эту важную тему продолжить и разобрать одну из причин нынешнего положения вещей, — причину, на мой взгляд, главную. Для искоренения зла надо первым делом нащупать его корень.

А.В. Адольф, чьи размышления легли в основу статьи О.В. Петровой, искал этот

¹ Зубанова И.В. К пуговицам претензий нет. Об одном модном методе преподавания синхронного перевода. Петрова О.В. А воз и ныне там? Невеселые мысли о нашем образовании вообще и преподавании перевода в частности // Мосты. Журнал переводчиков, № 4(44), 2014.

корень в господствующих умонастроениях общества. Давайте и мы оглянемся на себя.

Сегодня нам без устали напоминают, что мы живем в «обществе потребления». Потребительская идеология проникла и туда, где ей, вроде бы, не место — в частности, в образование. Собственно говоря, образование сегодня заменили «образовательные услуги». Правда, в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» это сочетание встречается лишь с добавлением «*платные* образовательные услуги», но такое добавление предполагает, что есть и бесплатные. Иначе вспоминается дяденька Онуфрия Зуева (совместный псевдоним К.И. Чуковского и Е.И. Замятина)²: «Соблюдал в выражениях большую точность и, бывало, говаривал: “А ну-ка, принеси мне мокрой воды стаканчик”».

В документах менее официальных и в устных выступлениях чиновники от образования высказываются откровеннее. Так, на последнем съезде Российского союза ректоров вузов прозвучало: «Необходимым шагом в повышении международной конкурентоспособности российского образования является уже экспорт наших высококачественных образовательных услуг»³. Тот же переход на, извините, «бизнес-дискурс» отразился на этом съезде и в вы-

² Онуфрий Зуев о переводе // Мосты. Журнал переводчиков, № 1(17), 2008.

³ Вузковский вестник, 21(213), 1–15 ноября 2014 г.

ступлении министра образования и науки РФ: «Этот рынок открыт для каждого высшего учебного заведения, но на нем можно быть успешным только в случае предложения качественного, востребованного продукта»⁴. «Успешность вуза на рынке», «качественный, востребованный продукт» (для привыкших к человеческому языку: под продуктом подразумеваются живые люди, квалифицированные специалисты) — это ли не показатель того, как подходит к образованию нынешнее чиновничество?

Лиха беда начало. Не сегодня-завтра выяснится, что симфонические оркестры оказывают слушателям «исполнительские услуги», а живописцы будут объявлены поставщиками «арт-услуг». И их талант («эффективность») будет именоваться «успешность» или «востребованность их продукта».

Не буду говорить о том, какой виделась роль образования в духовной жизни общества до недавнего времени (да-да, подготовка узкопрофильных специалистов тоже к этой роли относится): кто-то сочтет это высокими словами. Будем опираться не на слова, а на факты и логику.

Логика же предполагает, что при оказании услуг всегда имеются две стороны: одна — «в дальнейшем именуемая ИСПОЛНИТЕЛЬ», другая — «в дальнейшем именуемая ЗАКАЗЧИК».

Прежде чем приступить с этой точки зрения к анализу фактов, стоит напомнить. Потребительство российского образца основано на трех штампах, которые за тридцать лет у рулящего сегодня «поколения, выбравшего “Пепси”», вошли в плоть и кровь: 1) «Рынок все расставит по своим местам», 2) «Что не запрещено, то разрешено» (иными словами, правовые нормы выше норм этических, моральных принципов, профессиональных соображений и национальной традиции) и 3) «Клиент всегда прав».

Взглянем на образование (в нашем случае — подготовка переводчиков)

с учетом этих «заповедей блаженства» сначала глазами «стороны, именуемой ИСПОЛНИТЕЛЬ».

Я не отношу к этой категории людей, которые по расписанию приходят в школьный класс или в университетскую аудиторию и непосредственно занимаются тем, что недавних пор считалось «образованием». Они не исполнители, а субподрядчики. Решения принимают не они — к их мнению Исполнитель прислушиваться не склонен. Им предписано лишь делать то, что указывают сверху. По счастью, самые способные из них лучше Исполнителя понимают, что такое «образование», и вновь подтверждается старая мудрость, гласящая, что в России от дурных законов есть хорошее средство: дурное их соблюдение.

Что же поступает сверху?

В условиях нормального рынка главным критерием оценки качества «выпускаемого продукта» был бы — в нашем случае — уровень квалификации переводчиков и переводоведов. Кто на что способен. Чем больше высококвалифицированных специалистов готовит вуз (готовит ежегодно, не кичась былыми заслугами), тем, казалось бы, прочнее его репутация.

Однако, судя по реформам, которые лихорадочно проводит Исполнитель, сегодня его куда больше заботит иная сторона рыночных отношений: конкуренция. Если говорить о конкуренции международной, нетрудно узнать в этом стремлении Исполнителя продолжение порывов еще дорыночной эпохи, известных как «Догнать и перегнать». О «перегнать» речь уже не заводят, зато почтительным догонянием занимаются самозабвенно. Взыскующие хоть и жиденьких, но международных лавров ради них готовы на любые уступки. Недаром в уже процитированной речи на съезде Союза ректоров вузов министр образования и науки заметил: «Я приветствую, если Российский союз ректоров или Ассоциация ведущих университетов России

⁴ Там же.

Подготовка переводчика

займется проектом по формированию российского рейтинга университетов – не российских, но и глобальных университетов, международных, – но работать он будет только тогда, когда его начнут признавать западные партнеры нашей страны»⁵.

В результате работа вузов оценивается по мировым стандартам (независимо от профиля учебного заведения), на которые наслаивается отечественная бюрократическая «креативность» (как и мировые стандарты, не учитывающие особенности специальности, по которой готовят в том или ином вузе).

Вернемся все-таки к переводу и посмотрим, как это выглядит на практике.

О требованиях, которые предъявляет Исполнитель к вузам, можно судить хотя бы по показателям, которые принимаются в расчет при оценке эффективности вузов или при их государственной аккредитации.

Если обратиться к «Методике расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования» за прошлый год (извините за это почти пародийное название: его поправит любой грамотный редактор, но придумал не я, а Исполнитель), то для вузов такими показателями будут «Образовательная деятельность», «Научно-исследовательская деятельность», «Международная деятельность», «Трудоустройство», «Финансово-экономическая деятельность» и «Инфраструктура».

Два последних раздела разбирать не станем: они в ведении администрации вузов – независимо от специальности.

К «Образовательной деятельности» почти исключительно относятся данные о поступивших в вуз (средний балл на ЕГЭ, победители школьных олимпиад, целевики и т.п.). Понятно, что судить о подготовке переводчиков (специальность, которой в школе не было) по этим сведениям было бы крайним легкомыслием.

В раздел «Исследовательская работа» включены такие показатели, как количество статей, упомянутых в том или ином индексе цитирования (даже статьи, опубликованные в изданиях ВАК, уже не учитываются: ну что такое ВАК в глазах «западных партнеров нашей страны»?), удельный вес НПР (научно-педагогических работников) с ученой степенью или без оной. И – «Удельный вес доходов от НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) в общих доходах образовательной организации», «Удельный вес НИОКР, выполненных собственными силами (без привлечения соисполнителей), в общих доходах образовательной организации», «Доходы от НИОКР (за исключением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, государственных фондов поддержки науки) в расчете на одного НПР», «Количество лицензионных соглашений», «Удельный вес средств, полученных вузом от управления объектами интеллектуальной собственности, в общих доходах вуза».

Итак, доходы вуза становятся показателем *эффективности* его «исследовательской работы». Думаю, достаточно. Рынок.

Если бы Яков Иосифович Рецкер опубликовал свою статью «Плагиат или самостоятельный перевод?» в наше время (ее до сих пор цитируют, и для теоретиков перевода она оказалась – и до сих пор оказывается – откровением), он смог бы претендовать на то, что внес хоть малый вклад в «исследовательскую работу вуза» лишь на том основании, что журнал «Мосты», где эта статья была перепечатана⁶, теперь индексирован в РИНЦ (в отличие от «Тетрадей переводчика», где эта статья появилась впервые, – «Тетради» такой чести не удостоились).

Не о переводе. Если судить по индексам цитирования, то одним из самых (выражаясь на торгашеском языке) «успешных» историков окажется небезызвестный создатель «новой хронологии» Н.А. Фоменко.

⁵ Там же.

⁶ Мосты. Журнал переводчиков, №2, 2004.

Как показывает даже беглый просмотр статей цитировавших: большинство историков с ним яростно спорит. Но, согласно критериям оценки «эффективности», это пустяки. Цитируют же. И часто. Исполнитель усвоил завет великого ловкача Ф. Барнума: «Слава дурной не бывает» (“There is no bad publicity”). Обругали – значит, заметили. Чего еще надо для «успешности»?

Не так давно мне пришлось писать экспертное заключение: предстояло оценить, заслуживала ли преподаватель одного российского вуза присвоенного ей звания доцента. Познакомившись с ее публикациями, я обнаружил, что изданная ею монография полностью воспроизводит ее кандидатскую диссертацию, а семь статей – отдельные разделы этой диссертации (слово в слово). Других публикаций не было. Что ж, если судить по критериям оценки эффективности, очень недурно: за три года – монография и семь статей в научных изданиях.

Неужели в этом не могли разобраться в вузе, откуда пришли документы на экспертизу? Могли, конечно. Но тогда вуз недосчитался бы одного доцента, а количество опубликованных статей его работников сократилось бы. Кто же станет рубить «эффективный» сук, на котором сидит?

Судить о дееспособности вуза по международной деятельности тоже приходится с оглядкой. В анализируемом документе под этой деятельностью понимается удельный вес численности иностранных студентов, преподавателей, аспирантов, а также студентов из стран СНГ и пр. (снова рыночный подход: эффективность вуза оценивается по его «привлекательности». Из каких именно стран приезжают студенты – кроме стран СНГ, – разумеется, в расчет не берется). Плюс, конечно, «объем средств, полученных вузом на выполнение НИОКР от иностранных граждан и иностранных юридических лиц» и «Объем средств от образовательной деятельности, полученных вузом от иностранных граждан и иностранных юридических лиц».

Об иных формах международной деятельности – таких, например, как международное научное сотрудничество – в документе ни слова.

«Трудоустройство», пожалуй, единственный критерий, по которому можно худо-бедно сделать вывод о плодотворности работы вуза. Но что понимает под ним Исполнитель? А вот что: число выпускников, обратившихся в поисках работы в органы трудоустройства или в родной вуз. В этом подходе чувствуется безмятежная уверенность, что «рынок расставит все по своим местам».

Мне и моим коллегам не раз пришлось помогать нашим выпускникам с устройством на работу или рекомендациями предполагаемому работодателю. Но, во-первых, мы никогда не спешили доложить об этом администрации вуза, а, во-вторых – и в-главных, – с такими просьбами чаще обращаются переводчики далеко не бесталанные (бесталанные знают, что не порекомендуем: мы свою преподавательскую репутацию не на помойке нашли). И обращаются не потому, что работы нет – для переводчиков ее навалом, – а потому что выбирают. И уж в органы трудоустройства они уж точно опростетью не бросятся. Особенность нашей профессии такова, что переводчик хоть и временной подработкой, а проживет – раз уж даже не дипломированные специалисты этим родом деятельности занимаются вовсю. Для трудоустройства нужен талант иного рода: уметь себя «правильно позиционировать». Бездари же умением вп(и)арить себя блещут едва ли не чаще, чем толковые специалисты. Толковым помощь и правда бывает нужна.

Но значит ли это, что мы плохо научили их переводить?

Из этого обзора видно, что Исполнитель предпочитает судить об эффективности вузов по их способности самостоятельно зарабатывать (сокращаются бюджетные затраты) и формальным показателям, за которыми может скрываться полное

Подготовка переводчика

отсутствие настоящих достижений (цитирование, публикации, процент принятых лауреатов ЕГЭ и иностранных студентов и пр.).

В словаре С.И. Ожегова слово «эффективный» определяется как «дающий эффект, действенный». Может, сих дел мастера, которые до сих пор не понимают разницу между словами «компетенция» и «компетентность», на сей раз спутали «эффективность» с «эффектностью»?

Желание без особых затрат «блеснуть очаровательнее» имеет еще одно печальное следствие. Один из способов достичь этой цели знал еще гоголевский Городничий: «Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельность градоправителя». Отсюда снедающий Исполнителя хронический инноватит. Но на месте сломанного надо что-то строить. Бюрократические же творческие способности проявляются лишь в одном: в регламентации.

Ничего плохого в регламентации нет: без нее не могла бы действовать ни одна система, включая систему образования. Другой вопрос – степень регламентации и учет особенностей того, что ей подвергается. Образование – система сложная: это и точные, и технические, и естественные, и гуманитарные науки (не говорю уж о спорте и творческих направлениях), и в преподавании каждой своя специфика.

Однако, чтобы «заниматься каждой балалайкой в отдельности», требуются слишком большие умственные усилия, понимание этой специфики, время и, разумеется, материальные затраты. Поэтому предпочтение отдается строительству типовому, крупноблочному.

Не отсюда ли и та страсть к формализации критериев оценки (уровня знаний студентов, плодотворности работы вуза), о которой пишет О.В. Петрова?

Опять-таки на примере преподавания перевода. Недавно от составителей методических документов на переводческих кафедрах потребовали, чтобы в учебно-методических картах (УМКД) дисциплин

«Письменный перевод» и «Устный перевод» обязательно отводились часы на «интерактивные формы занятий». Это-де требование Исполнителя (министерства) ко всем УМКД по всем специальностям. Нужно для аккредитации вуза.

Преподаватели перевода пожмут плечами: возможно ли занятие по практике перевода, которое не было бы «интерактивным»? На письменном переводе, к примеру, моделируется работа с редактором: это куда деловее всякой деловой игры (одна из этих самых «интерактивных форм»). Об устниках уж и не говорю.

Но оказалось, что, с точки зрения методистов в законе, это не «интерактивная», а «активная» форма. Так что теперь преподавателей обязывают часть занятий, посвященных сосредоточенному, совместному (сиречь поистине *interactive*) разбору переводов, при котором творческие способности студентов раскрываются во всей полноте, заменить чем-то вроде игры в формате “*dva-prikhlopa-tri-pritopa online*”.

Возможно, в преподавании какой-то специальности такие формы работы и не помешают – судить не берусь. А вот в обучении переводу точно мешают. В вузовских курсах на него и так отводится не слишком много времени.

И таких эффектных побрякушек в дотла зарегулированных методических документах (без которых вуз не получит государственную аккредитацию) полным-полно. Каждый день добавляются новые.

Теперь пора взглянуть на положение глазами Заказчика. Сразу условимся, что к этой категории относятся далеко не все студенты и аспиранты. Многих современные поветрия еще не коснулись, и они по-прежнему, по выражению В.В. Розанова, приходят в университеты с вопросом не «Что ты мне дашь?», а «Чему ты меня научишь?».

Надо сказать, представление об образовании как об услуге плохо сочетается

с предписанным Исполнителем компетентным подходом. Неужели кто-то всерьез верит, что Заказчик обязывает Исполнителя, чтобы тот его научил «ориентироваться как в системе общечеловеческих ценностей, так и в ценностных ориентациях отдельных социальных, национальных, конфессиональных и профессиональных общностей и групп в российском и иностранных социумах»? Или наделил «такими морально-этическими качествами, как скромность, тактичность, умение вести себя в различных условиях»? А между тем эти формулировки взяты из списка «социально-личностных компетенций», которыми должен обладать студент по окончании обучения. Отношения «заказчик—исполнитель» предполагают недвусмысленный договор, в котором предусмотрены все обещанные услуги. Остается заподозрить, что Исполнитель прививает Заказчику указанные качества в виде бонуса, да еще и тайком. (Мимоходом: «ориентироваться в ориентациях» еще раз показывает своеобразные представления Исполнителя о русском языке).

Тот, кому с детства внушают, что «клиент всегда прав», а образование преподносят как вид сервиса, является в салон образовательных услуг с уверенностью, что его обязаны обслужить быстро, любезно и без всяких усилий с его стороны. (Если услуга платная, уверенность становится железной). И сегодняшний Исполнитель изо всех сил старается клиенту угодить. На помощь приходят ссылки на «антропоцентрический подход», «гуманизацию образования», «позитивное отношение» и т.п. Вот типичный образец такого подхода: принципы, на которых, по мнению авторов учебника по переводческому анализу текста, должны строиться занятия:

1. Создание комфортных условий для учения и самообучения с учетом индивидуальных способностей каждого студента и его развития.

2. Учет уровня готовности студента к учению.

3. Усиление положительных мотивов учения.

4. Активизация творчества.

5. Особые взаимоотношения между участниками учебного процесса: утверждается стиль доверия, сотрудничества и творчества, усиливается роль эмоций, эмпатии, что избавляет студента от психологического дискомфорта, от состояния тревоги и беспокойства, что в значительной мере способствует развитию его потенциальных познавательных возможностей.

6. Особая роль преподавателя, который должен обладать позитивным отношением к студенту, принимать его таким, каков он есть, способствовать становлению в каждом студенте чувства собственного достоинства, эмпатии и самоуважения, стремиться обеспечить максимальный психологический комфорт для полноценного развития личности студента, облегчить его учение⁷.

Умиляет это повторение: «комфортные условия», «избавить от дискомфорта», «обеспечить психологический комфорт». Словно не методические указания читаешь, а рекламную брошюру туристического агентства.

Кто-то спросит: «Чего же в этом плохого?».

Напомню, что эти рекомендации взяты из модного учебника по переводческому анализу текста. Этот вид работы — один из этапов подготовки переводчика. Конечная цель — подготовить квалифицированного специалиста. Когда такой специалист — даже если он еще учится, — почувствует, как здорово у него уже все получается, тогда-то он по-настоящему и обретет чувство собственного достоинства и самоуважение. Тогда-то его личность и раскроется полноценнее, чем от заботливых вливаний «позитива» на сахарине.

⁷ Цатурова И.А., Каширина Н.А. Переводческий анализ текста. Английский язык: учебное пособие с методическими рекомендациями. — СПб: Перспектива, изд-во «Сокол», 2008. С. 259–260.

Подготовка переводчика

И еще. Всякий переводчик подтвердит, что профессия наша от психологического комфорта далека. Что-то будет со студентом, когда после занятий, на которых с него сдували пылинки, он окажется в реальных условиях работы? Да он расшибет лоб и свою профессию возненавидит!

Часто цитируют фразу А.В. Суворова: «Тяжело в учении – легко в бою». Цитата расхожая, но несколько переделанная. В «Науке побеждать» Суворов писал: «Легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе».

Видимо, те, кто рекомендует «облегчить учение» студентов, второй половины этой фразы не знают. Возможно, и первой.

Не знают они и того, что такое «творческий дискомфорт». Чтобы пояснить (а заодно отвести ожидаемый упрек, будто я ратую за введение в вузах телесных наказаний), поделюсь историей из собственной преподавательской практики.

Шло занятие, на котором мы, как обычно, вместе обсуждали письменные переводы, выполненные студентами дома. У одного студента перевод фразы из текста получился очень коряво. Я объяснил, почему: нарушены и норма и узус, читателю будет трудно добраться до смысла. Он с ходу предложил другой вариант. Опять осечка, и опять я показал, где сбой. Он с доводами согласился и попробовал в третий, в четвертый, в пятый раз. Неудача за неудачей. Парнишка был близок к отчаянию: «Да что вы от меня хотите? Как еще-то можно перевести?». Я посоветовал: «Не смотрите в оригинал. Смотрите на меня и объясните, что имел в виду автор».

Прозвучало именно то, что требовалось. «Вот это и запишите».

Студент одновременно опешил и просил: «Так это и есть перевод?». — «Да, это и есть перевод».

Так на моих глазах родился переводчик. После он и сам вспоминал эту минуту «психологического дискомфорта» и признавался, что тогда у него и открылись глаза.

И дальнейшие его переводы показали, что переводчик из него получается дельный.

С точки зрения антропоцентрического катехизиса я нарушил много заповедей: не «облегчил учение», создал «психологический дискомфорт», привел студента в «состояние тревоги и беспокойства», не проявил своего «позитивного отношения» к нему. Но, как ни странно, потом он меня, «не позитивного», благодарил.

В глазах методистов сахаринового толка у меня есть лишь одно оправдание: я «учитывал индивидуальные способности» студента. Точнее, не только способности, но и склад характера, темперамент. По натуре он был азартный боец. Сюсюканьем такого не проймешь. Оно ему впрок не пойдет. С человеком более слабым я и мои коллеги действовали бы по-другому. Случалось не раз. Результат был неплохой.

Мы исходим из тех представлений о психологии преподавания, которые сложились до квадратно-гнездового насаждения в методических документах «лично-ориентированного обучения». Пусть меня поправят методисты, но, по-моему, направленности на *личность* (и пользы дела) в нашем старомодном подходе больше, чем в требовании использовать при подготовке всех без исключения специалистов приемы, пригодные разве что для младшей группы детского сада. Эти требования дают противоположный результат: ведут к *обезличиванию*, когда всех причесывают на один манер.

Беспрепятственное внедрение сахариновой методологии привело к тому, что выросло целое поколение, заметная часть которого учиться, прямо скажем, не умеет и не любит (напомню: говорю не обо всех, а лишь о Заказчике. Таких еще не большинство, но всякий преподаватель, работающий самое малое лет двадцать, подтвердит, что их число растет). Точнее, не любит, потому что не умеет. А не умеет потому, что ему вовремя — еще в школе — не привили вкус к решению трудных задач, считая это

«насилием над личностью». Подменили учение развлечением.

Да только ли в школе? Это в воздухе носится. «Японский язык для ленивых», «Польский с улыбкой», «Немецкий язык с удовольствием!», «Английский язык — в три приема!!!» и т.п. Это все названия учебников (включая восклицательные знаки). Поди докажи после этого, что по-настоящему выучить язык или научиться переводу — дело непростое⁸.

Беда еще в том, что, даже если человек трудолюбив, он не сможет употребить свое трудолюбие со знанием дела. Сахариновая диета, вопреки обещаниям превратит его в творческую личность, к творчеству — то как раз и не располагает. Творчество начинается тогда, когда преподаватель не «принимает его таким, каков он есть», а непростыми задачами побуждает преодолевать себя. Чистое же трудолюбие без творчества проявляется в тупой зубрежке и усердном запоминании готовых рецептов (которые ведь тоже надо уметь применять с умом). То есть, приводит к неповоротливому догматизму и слепому преклонению перед авторитетами («Magister dixit»).

Та методика преподавания устного перевода, о которой писала И.В. Зубанова, и есть пример использования трудолюбия без творчества (и ее появление сегодня не случайно). Если развить аналогию с боевыми искусствами, можно сказать, что она помогает накачать мышцы, но не подсказывает, что делать дальше. Так готовят не спортсменов, а «качков».

Характерно, что, как видно, никто из подхвативших эту методику не удосужился сперва проверить ее действенность. А чего проще: дать одно и то же задание «боевому искуснику» и переводчику, подготовленному не таким продвинутым методом, а потом сравнить результаты. Чем не проверка эффективности?

Но эффективность метода опять заслонила вопрос об эффективности. Когда «инновации» превращаются в самоцель, кому охота заботиться о результатах? Вспоминается мудрая фраза французского мемуариста Шарля Массона, своими глазами наблюдавшего административные, военные и бытовые «инновации» Павла I: «Павел не хотел улучшать, он хотел менять».

Вернемся к нашим заказчикам. Как я старался показать, для них характерны неспособность к творчеству, неумение учиться и убежденность, что «клиент всегда прав» (часто это понимается в том же смысле, что и речение Полиграфа Полиграфовича Шарикова: «Сегодня каждый имеет свое право»). Студент, неожиданно открывший для себя, что такое перевод, был именно Студентом, а не Заказчиком. Заказчик, столкнувшись с такой задачей, на полпути бросит ее решать и либо расплатится (если это особа прекрасного гендера), либо помчитесь с жалобой к менеджеру образовательного салона (а то и в Страсбургский суд) на то, что «ему подрезают крылья». Да еще и станет анафематствовать препода на каком-нибудь сетевом форуме. Коллеги — не только у нас на кафедре — не дадут соврать. Подобные истории слышал от многих.

Тут бы и спохватиться. Куда там!

Как уже было показано, Исполнителем движет желание прослать продвинутым до горизонта и при этом поменьше расходоваться. Отсюда последнее увлечение методическими «гаджетами» вроде системы «Мудл» и сетевых программ дистанционного обучения. И современно — по европейским стандартам, — и позволяет сократить число преподавателей — сконапелить «оптимизация».

Снова предвижу возражение: а в этом что плохого? Учебная аудитория расширяется, студенты с Камчатки или Сахалина могут виртуально присутствовать на занятиях вместе со своими сверстниками из Москвы и Питера. Многие бы не прочь.

⁸ Толмачева-Драгоманова Д. Волшебная таблетка — мечта человечества. // Мосты. Журнал переводчиков, № 3(43), 2014.

Подготовка переводчика

Увы – та же уступка эффективности в пользу эффектности. «Виртуально присутствовать» не значит реально учиться. Еще раз напомним случай со Студентом (не Заказчиком). Показать студенту за считанные минуты, что такое перевод, можно только в учебной аудитории, когда у преподавателя есть возможность оценить его склад характера, уровень знаний и сообразительность и подобрать тот прием, который именно этому человеку поможет лучше всего. При «виртуальном» же присутствии и понимание получается виртуальное. Виртуального переводчика и получите.

Есть и другая причина. Если бы речь шла о холмогорском пареньке Михайле Ломоносове с его отчаянной тягой к знаниям, «Мудл», возможно, и не помешал бы. Человек с такими устремлениями и умением мыслить и недосказанное додумает или дочитает. Однако я уже набросал психологический портрет нынешнего Заказчика-комфортаголика. Кто считает, будто описанный типаж водится исключительно в столице нашей необъятной родины, глубоко заблуждается. Система образования у нас одна. Методику она диктует единую. А книжка «Японский для ленивых» продается всюду.

Притом известные мне варианты программ дистанционного обучения (о форме вебинаров стоит поговорить отдельно) предполагают не вдумчивый анализ, как обычно бывает в аудитории, а возможность одним щелчком мыши проверить, правильно ли студент выполнил свой перевод. Не обучение, а оцифрованные ключи к учебнику.

Спор о ключах к учебникам по переводу идет уже давно⁹. Иногда их пользу доказывают, ссылаясь на ответы, напечатанные в задачниках по математике, физике и т.п.

⁹ См., в частности, обсуждение этого вопроса на Круглом столе по вопросам подготовки переводчиков в Нижегородском государственном лингвистическом университете // Мосты. Журнал переводчиков, № 3(39), 2013.

Точные и естественные науки я не преподавал, а вот о переводе сказать могу. Чтобы студент привык находить решения самостоятельно, ему надо не подсказать ответ или формулу, по которой решать – формул в переводе нет, – а, взяв за шкирку, заставить самому проделать путь к цели. Лишь тогда он и научится ходить без проводника.

При этом маршрут может оказаться не один, и ему предстоит выбор. Обычный разговор на занятиях: студент предлагает два варианта перевода и спрашивает: «Какой лучше?». – «Давайте разберемся, как воспримет один и другой вариант ваш читатель, какая между ними разница и насколько то или иное восприятие будет похоже на реакцию, которую ожидал автор. А дальше сами выбирайте, какой вариант “лучше”. Или будете и заказчику перевода предлагать два варианта: “Ненужное вычеркнуть”?».

Не очень «позитивно». Но ближе к реальности. А никакие сахариновые ключи принимать такое решение самостоятельно не научат.

Порой правомерность ключей отстаивают на том основании, что они предназначены не для студента, а для преподавателя: тот-де сам разберет, давать их студентам или нет. А то не все преподаватели способны предложить удачный вариант...

Занятная логика. Если преподаватель сам не в состоянии перевести текст, что он вообще делает в аудитории? Сколько раз уже в «Мостах» писали о том, что, когда хороших фонетистов, грамматистов, лексикологов на скорую руку перековывают в преподавателей перевода, пользы от этого никакой. Ни студентам, ни им. Теперь оказывается, что польза будет, если дать перекованным ключи? Что ж, гонора у них прибавится (“Magister dixit”). Способности научить – вряд ли. Результат ясен.

Восемь лет назад, когда мы с коллегами опубликовали два сборника упражнений «Техника перевода», сначала потенци-

альные пользователи то и дело задавали вопрос: «А где ключи?». Доходило до возмущенных писем в издательство («Клиент всегда прав»). Отсутствие хотя бы кратких пояснений, позволяющих найти переводческое решение, мало кого смущало, но ключи! Не научить и научиться искать решение, а получить ответ – вот что считалось главным.

Когда мы готовили эти сборники к печати, среди вариантов заглавия мелькал и такой: «Перевод не для “чайников”». Отказались от него из опасений за коммерческую судьбу издания. Но добавить ключи не заставили нас даже эти соображения.

Вот что удивительно. В том, что я здесь пишу, для субподрядчиков образовательного салона нет ничего нового. В разговорах между собой подобные мысли высказывают сплошь и рядом. Но стоит заговорить чуть погромче, зашикают: «Чего вы хотите? Сейчас поколение такое. Чего вы хотите? Такие сегодня условия. Чего вы хотите? Глобализация».

Можно подумать, комфортазависимость прививают молодежи зловредные инопланетяне, а не те, кто советует «принимать их такими, какие они есть». Можно подумать, условия не поддаются изменению (едва ли защитников природы остановит резон: «Чего вы хотите? Промышленность развивается. Урбанизация. Вы не беспокойтесь: рынок расставит все по своим местам»). А вот на доводе «Глобализация» стоит остановиться подробнее.

А.Д. Швейцер, которому довелось работать переводчиком на вошедших в историю Пагуошских конференциях (1962–1971), рассказывает о своем тогдашнем знакомстве со знаменитым физиком-ядерщиком, академиком Л.А. Арцимовичем, человеком ярким и независимым в суждениях.

Однажды, когда я рассказал ему позднее, что на конгрессе, посвященном физике высоких энергий в Дубне (1965 г.)

меня удивило то, что по некоторым темам там были представлены доклады только американских и западноевропейских ученых, он мне ответил: «Вы знаете, что такое психология отстающего? Человек привыкает ориентироваться на того, кто шагает впереди. Будь моя воля, я бы запретил переводить и печатать у нас журнал “Физикал ревью”. Пусть привыкают думать самостоятельно»¹⁰.

Сегодня на вопросы вроде того, что задал Александр Давыдович, часто можно услышать ответ: «Чего вы хотите? Глобализация».

Всякий раз, когда звучит это волшебное слово, полезно разобраться: действительно ли в данном случае речь идет о некоем конкретном проявлении общего мирового процесса (он и правда существует), или же оно приводится как оправдание умственной лени и творческого бесплодия: дескать, историческая закономерность, против истории не попрешь, выше головы не прыгнешь. А значит – «не стоит париться».

Но психология отстающего опасна не только тем, что отбивает вкус к творчеству и побуждает заменить его «креативностью» (с удобными ссылками на глобализацию). Это бы еще полбеды. Есть опасность посерьезнее.

Знакомая американская журналистка, наблюдая за нашими реформами в образовании, сокрушалась: «Как люди не могут понять, что из отставания можно извлечь пользу? Идет по улице человек, за ним другой: отстает. Первый, зазевавшись, влез в лужу. Что бы отстающему лужу обойти. Нет, лезет туда же!».

Наши инноваторы, видимо, убеждены, что впереди идущий ошибок не совершает и надо повторять каждый его шаг. Тут действует, как сказали бы психологи, «эффект нимба»: преимущества кумира мешают разглядеть его недостатки и побуждают толковать всякий сомнительный шаг в его

¹⁰ Швейцер А.Д., Глазами переводчика. Из воспоминаний. М.: Р.Валент, 2012. С. 80.

Подготовка переводчика

пользу. Добавьте к этому неспособность или нежелание просчитать, как могут усугубиться эти недостатки на новой почве.

Скажем, стоит усомниться в оправданности безудержного импорта идей, методов и даже лексики, в ответ — к гадалке не ходи — посыпятся ссылки на реформы Петра I.

Да, оспаривать их значение было бы сущей глупостью. Но всякий добросовестный историк подтвердит, что имели они и неприятные последствия, которые сказываются до сих пор. В частности — разгул бюрократии. В статье о преподавании перевода подробно об этом говорить не место, но спросите историков. Почва, на которую были брошены импортные семена нового административного устройства, оказалась для плевелов едва ли не более подходящей, чем для злаков. Так что всякий, бьющийся над составлением УМКД, ООП и прочих прелестей по части нашей — переводческой — специальности, должен помнить, что и за это стоит поблагодарить государя Петра Алексеевича. Даже потомки заморских учителей Петра Великого сегодня диву даются кунштюкам российской бюрократии, не понимая, что это лишь сорняки их нивы, попавшие в благоприятные российские условия.

То же самое — о близком: преподавании перевода. Лет двадцать назад мы, отстающие, слышали от англоязычных коллег душераздирающие истории о невежестве студентов (тогда как наши теле- и радиожурналисты кичились: «Мы гордимся Толстым и Достоевским, духовностью!») — даром, что сами говорили и до сих пор говорят, как выходцы с Брайтон-бич, а звонки в студию до сих пор свидетельствуют, что значительная часть их «патриотической» аудитории Толстого и Достоевского не читали или не помнят), — слышали мы от коллег о неспособности аудитории понять текст без картинок (в духе кэрролловской Алисы: «Что за книжка без картинок и разговоров?»), о полной растерянности в отсутствие

«Пауэрпойнта», о навязанном форумами и социальными сетями клиповом мышлении — и мы им *от души* сочувствовали. Наша аудитория — и ученики — еще были в состоянии понять говорящего без картинок, усвоить смысл текста и изъясняться связно, без словесных распальцовок. Тех, кого мы тогда учили, «много букв» не смущало: они умели читать и слышать.

Лет двадцать назад.

Теперь нагнали. Заказчик своими глобально-деревенскими реформами добился того, что сегодня на это ропщем и мы. Что лужу можно обойти, он не знает. И теперь высочайше велит нам лезть в нее как можно глубже. Смена вербального знака графическим — это-де «мировой тренд» такой. Извольте соответствовать.

А если переводимый будет вещать без картинок? Выступать без «Пауэрпойнта»? До сих пор мы готовили людей, которые даже и без него текст понимают. Теперь от нас и от них требуют иного. «Глобализация».

Простите, господа заказчики: мы по-прежнему будем готовить переводчиков, которые и на березовом пне, в отсутствии Интернета, на коленке, грамотно переводят. Хотя, понятно, в более удобных условиях тем более не оплошают. Работе в «комфортных условиях» учить не надо. А вот работать без комфорта нашему брату приходится часто.

Концепция образования всегда зависит от существующих условий. Когда во главу угла во всем ставятся не подлинные результаты, а забота об «имидже», «бренде», «рейтинге», — то же происходит и в образовании, со всеми последствиями, которые были описаны выше. Трудно рассчитывать, что в таких условиях отношение к нему вдруг станет иным, более деловым и, простите, более взрослым. И все же позволю себе немного пофантазировать.

Для того чтобы вузы выпускали не инфантильные имиджи с дипломами, а настоящих специалистов, необходимо отказаться от торгашеского подхода к их подготовке

и суеты вокруг академического маркетинга и привыкнуть к мысли, что образование — совершенно особая сфера жизни общества. Конкретного общества, а не абстракции, именуемой «мировым сообществом». Это клише равнозначно другому: «средняя температура по больнице». Над вторым все смеются, первое принимают с почтением.

В 1810 году министр народного просвещения Алексей Кириллович Разумовский обратился к тогдашнему сардинскому посланнику в Петербурге, писателю и мыслителю графу Жозефу де Местру (тому самому, которому ошибочно приписывают пушкинскую фразу «Переводчики — почтовые лошади просвещения»¹¹) за советом, какие «инновации» стоит ввести в российском образовании. Де Местр ответил:

Относительно сего важного предмета весьма распространен тот же софизм, каковой употребляется в отношении учреждений политических: на человека смотрят как на некое отвлеченное существо, неизменное во все времена и во всех странах, и для оно начертываются столь же отвлеченные проекты. Однако опыт самым очевидным образом доказывает, что каждая нация имеет то правительство, которого она достойна, и потому всякий план правительственного устройства, ежели не находится он в полном согласии с национальным характером, есть лишь пагубное мечтание.

То же самое относится и к образованию (я имею в виду образование общественное); прежде чем приступить к плану оно, надобно изучить обычаи, склонности и зрелость нации¹².

Если так, то все — от общей концепции образования до частных методик — должно разрабатываться с учетом требований конкретного общества, моральной обстановки в нем, ценностных ориентиров, пси-

хологии его членов. А, следовательно, при проведении любой реформы необходимо прислушиваться не только к мнению методистов (многие из которых, чего греха таить, видят только спину впереди идущего дяди и подчас норовят залезть в ту же лужу, по которой он, сам того не желая, прошлепал). Прислушиваться следует и к голосам психологов, социологов, субподрядчиков-преподавателей. Первым законом всякой реформы должен быть афоризм американского политика Берта Ланса: «Что не сломано, не чини»¹³. Люди, непосредственно занимающиеся преподаванием, знают, что сломано, а что в починке не нуждается, получше чиновника, который живого студента из-за МКАД в последний раз видел в позапрошлом году по телевизору. Прислушаться следует и к мнению заказчиков в подлинном смысле слова — тех, кто будет пользоваться услугами переводчиков и других специалистов, которых выпускают вузы (недаром мы завели у себя в журнале рубрику «Вопросы заказчику» и считаем ее очень важной).

И если кто-то из настоящих заказчиков сегодня недоволен качеством подготовки специалистов, могу ответить: не стреляйте в пианиста — как может, так и играет. Стреляйте в тех, кто диктовал его учителям, как и чему учить.

P.S. Смею надеяться, что последнюю фразу не расценят как призыв к террористическим действиям.

¹¹ Делиль Ж., Шаталов Д.Г. Жозеф де Местр или Пушкин? Вавилонское смешение // Мосты. Журнал переводчиков, №3(35), 2012.

¹² Ж. де Местр. Петербургские письма 1803–1817. СПб., ИНАПРЕСС, 1995. С. 137–138.

¹³ В более полном виде это высказывание звучит так: «Что не сломано, не чини. Вот в чем беда государства: чинят то, что не сломано, а сломанное не чинят» (“If it ain’t broke, don’t fix it. That’s the trouble with government: Fixing things that aren’t broken and not fixing things that are broken”).